

ХРАНИТЕЛИ

РАВНОВЕСИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

СИРЕНА
для
НЕИСТОВОГО
БОССА

КСЕНИЯ СТЕПАНОВА

18+

Ксения Степанова

Сирена для неистового Босса

«Автор»

2026

Степанова К.

Сирена для неистового Босса / К. Степанова — «Автор», 2026

Она — последняя сирена среди людей. Он — полубог, поклявшийся уничтожить всех, кто связан с морем. Их встреча должна была стать смертельной. Она стала неизбежной. Десять лет Лия Коррал скрывается от охотников, работая аналитиком в «Кракен Индастриз». Но её убежище рушится, когда новый босс, Кaleb Дрейк, объявляет войну океану. Его проект уничтожит последний дом сирен — и её саму. Лия не знает главного: Кaleb — сын бога штормов. Его ненависть к морю имеет древние корни. Когда она проникает в его кабинет, чтобы остановить катастрофу, их встреча пробуждает силу, связывающую их жизни воедино. Теперь они — враги, вынужденные работать вместе. Им предстоит спуститься в разлом между мирами и остановить Пустоту — существо старше всех богов. Но самое опасное испытание — признать, что ненависть может стать любовью, а враги — семьёй. Смогут ли они простить прошлое, чтобы спасти будущее?

© Степанова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шёпот глубин	5
Глава 2. Клетка из стекла и стали	9
Глава 3. Зов бездны	12
Глава 4. Та, что утонула первой	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ксения Степанова

Сирена для неистового Босса

Глава 1. Шёпот глубин

Вода всегда была её проклятием и её силой.

Лия знала это, когда шла по мраморному полу корпорации «Кракен Индастриз». Её туфли на шпильках бесшумно ступали по холодному камню, но внутри неё бушевал океан. Стеклянные стены небоскрёба отражали серое небо Нью-Йорка, а где-то там, за горизонтом, лежала настоящая бездна — та, которую она сбежала десять лет назад.

Но сегодня бездна не молчала.

Лия чувствовала её всем телом. Боль. Глухую, тянущую, как рана, которую ковыряют изнутри. Проект «Нептун» работал уже третью неделю, и океан кричал. Не словами — ощущениями. Киты сбивались с пути. Кораллы бледнели. Рыбы уходили на глубину, где не было света, но было хоть какое-то спокойствие.

Лия чувствовала это каждую минуту. Это было как если бы кто-то медленно вырывал у неё ногти — один за другим. Она почти не спала. Она почти не ела. Она просто шла вперёд, потому что должна была остановить это.

Она не знала, что именно задумал Калеб Дрэйк. Но она знала, что он — угроза. И она пришла, чтобы остановить его.

— Мисс Коррал? — секретарша с идеальной укладкой окинула её оценивающим взглядом. — Мистер Дрэйк будет через пять минут. Он не любит ждать.

— Я тоже, — тихо ответила Лия, хотя её голос, низкий и текучий, прозвучал как приливная волна. Девушка специально говорила шёпотом. Любой другой звук мог обернуться бедой.

Она носила серебряные браслеты на обоих запястьях. Тонкие, почти незаметные под рукавами блузки. Серебро — древний металл, который сирены не переносят с тех пор, как первые охотники научились ковать его в лунную ночь. Оно не убивало. Оно глушило голос, как кляп. Оно делало её почти человеком.

Почти.

Кабинет на сто сорок пятом этаже был царством стекла и стали. Идеальные линии. Никакой пыли. Никакого хаоса. Идеальный порядок человека, который привык подчинять себе всё — кроме моря.

Лия подошла к аквариуму, встроенному в стену. Там, за толстым бронированным стеклом, плавали редкие рыбы-клоуны и хрупкие кораллы. Не её стихия. Тёплая, мелкая, декоративная вода.

Она коснулась стекла кончиками пальцев.

И в ту же секунду лампы в кабинете мигнули.

Чёрт.

Лия отдёрнула руку, но было поздно. В аквариуме что-то изменилось. Рыбы замерли, а затем бросились к ней, тыкаясь носами в стекло, словно узнавая свою госпожу. Вода за её спиной в кулере для воды вдруг пошла рябью, хотя никто не касался кнопки.

— Тихо, — одними губами прошептала Лия, вжимая плечи. — Я не для этого здесь.

Она и правда пришла не для этого. Два года она работала младшим аналитиком, скрывая свою истинную природу за слоем дорогой косметики и натасканным голосом. Таблетки, подавляющие дар, стоимостью в месячную зарплату. Специальные браслеты из серебра, чтобы не вытягивать влагу из воздуха. Тихая, незаметная жизнь в городе, где никто не знает, что она — сирена. Последняя из своего рода после того, как охотники на нечисть истребили её сестёр.

Она выжила случайно. Её не было дома, когда пришли охотники. Она вернулась и нашла только пепел и кровь. С тех пор она пряталась. С тех пор она боялась.

И всё шло прекрасно, пока её новый босс — Кaleb Дрэйк — не объявил войну океану. Вчера в новостях: «Кракен Индастриз начинает откачку геотермальных ресурсов со дна Марианской впадины. Проект "Нептун" уничтожит экосистему за год».

Уничтожит её дом. Уничтожит память о её семье.

Поэтому она здесь. Не как сирена. Как шпионка.

Дверь с тихим шипением открылась.

Лия обернулась и забыла, как дышать.

Кaleb Дрэйк был не просто мужчиной. Он был бурей в человеческом обличье. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем чёрном костюме. Тёмные волосы небрежно зачёсаны назад, скулы острые, как лезвия, а глаза — серые, с такой глубиной, в которой даже сирена

могла бы утонуть. Но самое страшное — его аура. Вокруг него воздух искрился сухим электричеством, как перед грозой. Дрэйк был человеком только наполовину. Лия чувала это за версту. Вторая его половина пахла грозой, озоном и древней яростью.

— Коррал? — Он даже не взглянул на неё, проходя к своему столу. — Аналитический отдел переезжает на три этажа ниже. На вопросы отвечать не буду. Вон.

Резкий. Холодный. Неистовый.

— Мистер Дрэйк, — голос Лии дрогнул, но она заставила себя говорить громче. — Я не по вопросу переезда. Я по поводу проекта «Нептун».

Он замер. Медленно, как хищник, повернул голову. Впервые за всё время его серые глаза сфокусировались на ней — по-настоящему, всей своей пугающей мощью.

Их взгляды встретились.

В тот же миг кулер в углу кабинета взорвался. Вода хлынула фонтаном, заливая ковёр. Настенные часы сошли с ума, стрелки завертелись в обратную сторону. А аквариум покрылся трещинами, словно внутри него образовался маленький ураган.

Лия попятилась, в ужасе зажимая рот рукой.

Кaleb не двинулся с места. Вода огибала его ноги, не смея коснуться. Он перевёл взгляд с луж на её лицо, и его губы изогнулись в понимающей, опасной усмешке.

— Аналитик Коррал, — его голос понизился до рыка, от которого зазвенели стёкла в окнах. — Вы не человек. Вы даже не нечисть. Вы — *глубинная*.

Он сделал шаг к ней, и в его пальцах сверкнула молния — самая настоящая, живая, хрустящая.

— Знаешь, сколько лет я искал такую, как ты? — спросил он нежно, почти ласково. — Моя мать утонула по вине твоего народа. Одна из вас спела ей смертную песнь. Я был ребёнком. Я видел, как она умирает.

Лия замерла. В его голосе была боль — древняя, глубокая, как разлом на дне океана.

— Я не знаю, кто это был, — продолжил он, и его голос стал тише. — Но я знаю, что это была сирена. И я знаю, что все вы — одинаковые. Вы поёте, и люди умирают. Вы улыбаетесь, и мир рушится.

— Это не так, — прошептала Лия. — Мы не все такие.

— О, я знаю, — сказал он, и в его улыбке не было тепла. — Ты — другая. Ты — та, кто может помочь мне найти Источник Штормов. Артефакт, который держит равновесие между вашим миром и миром бурь. Он украден, и без него через полгода все моря взбесятся. Цунами, ураганы, смерч в каждой бухте. Твои киты, твои кораллы, твоя последняя стая — всё умрёт.

— Тогда зачем проект «Нептун»? — спросила Лия, и в её голосе зазвенела сталь. — Ты сам уничтожаешь то, что хочешь спасти.

Кaleb смотрел на неё долго, не мигая. Затем он сделал то, чего она не ожидала. Он рассмеялся. Горько. Устало.

— Проект «Нептун» — прикрытие, — сказал он. — Официально — добыча ресурсов. На самом деле — бурение в поисках входа в разлом. Мой отец, бог Эвронус, заточил Источник там три тысячи лет назад. Я искал его полгода. Я почти нашёл его. Но мне нужна ты.

Лия смотрела на него, и в её глазах было недоверие.

— Почему я?

— Потому что твой голос — единственный ключ к Источнику, — сказал он. — Сирены созданы хранить его. Без тебя я слеп.

Он шагнул к ней, и его глаза полыхнули серым огнём.

— С этого момента ты — моё оружие. Моя пленница. Мой личный кошмар.

Он протянул руку, и в его ладони заискрился электрический ток. Лия почувствовала, как серебряные браслеты на её запястьях раскаляются, блокируя её дар. Она зашипела от боли.

— Добро пожаловать в ад, детка, — Кaleb Дрэйк улыбнулся, и в этой улыбке не было ни капли тепла. Только обещание войны.

А в разбитом аквариуме медленно умирала последняя рыба, и Лия поняла, что только что продала душу не просто тирану. Она попала в лапы того, кто ненавидит её суть так же сильно, как она — его.

Или... ей только казалось, что ненавидит?

Потому что когда его пальцы сомкнулись на её запястье, Лия услышала то, что он не говорил вслух — биение его сердца, ускоряющееся в такт её пульсу. И в этом бешеном ритме не было злобы. Только голод.

Голод, который древнее любого проклятия.

И где-то глубоко внутри неё, в самой глубине её существа, что-то отозвалось. Что-то древнее. Что-то, что знало: это не просто встреча. Это начало.

Двое войдут, но выйдет лишь один, если не станут одним.

Слова из древнего пророчества, которые она слышала в детстве. Слова, которые она забыла. Слова, которые теперь всплыли в её памяти, как пузырьки воздуха из глубины.

Она посмотрела на Калеба. Он смотрел на неё.

И в этот момент Лия поняла, что её жизнь больше никогда не будет прежней.

Глава 2. Клетка из стекла и стали

Он не приковал её цепями.

Это было бы слишком просто, слишком по-человечески. Кaleb Дрэйк приковал Лию к себе иначе — он поселил её в пентхаусе под собственной спальней, где полы были из чёрного оникса, а стены — из бронированного стекла, выходящего прямо в океан. За этой стеной, всего в двадцати метрах, плескалась холодная, солёная, *живая* вода. Его тюрьма была аквариумом. Её — видом на свободу, которую нельзя коснуться.

Но даже здесь, в этой стеклянной клетке, Лия чувствовала боль океана.

Она стояла у стены, прижав ладони к стеклу. Серебряные браслеты на её запястьях пульсировали тупой болью — они не давали ей петь, не давали звать, не давали дышать полной грудью. Но они не могли заглушить то, что она чувствовала.

Киты. Они уходили на глубину. Они не пели. Они молчали. А киты никогда не молчат. Они поют всегда — даже во сне, даже в смерти. Но теперь они молчали, потому что не могли вынести того, что делали люди на поверхности.

— Ты чувствуешь это? — прошептала Лия, не оборачиваясь. — Они молчат. Они никогда не молчат.

Кaleb стоял в дверях, скрестив руки на груди. Галстук он снял, расстегнул верхние пуговицы рубашки, обнажив смуглую шею и край странной татуировки — молнии, уходящей за воротник. Он смотрел на неё, и в его глазах было что-то, чего она не могла прочесть.

— Я знаю, — сказал он тихо. — Я знаю, что они молчат. Я знаю, что проект «Нептун» убивает их. Но это прикрытие. Я уже говорил тебе. Мне нужен был доступ к глубинному бурению. Мне нужно было найти разлом. Мне нужен Источник.

— А если бы ты не нашёл его? — спросила Лия, оборачиваясь. — Что тогда? Ты бы уничтожил океан, просто чтобы найти артефакт?

— Тогда бы я умер, — сказал он, и в его голосе не было жалости к себе. — И все бы умерли. Через полгода моря взбесятся. Цунами смоют города. Ураганы уничтожат всё. Я пытался это остановить. Я не знал, что будет так больно.

Лия смотрела на него, и в её глазах была не ненависть. Боль. Та же боль, что и у него.

— Ты не знал, что будет так больно, — повторила она. — А я знаю. Я чувствую это каждую минуту. Каждый день. Каждую ночь. Я чувствую, как умирают кораллы. Я чувствую, как задыхаются рыбы. Я чувствую, как киты перестают петь. Ты не знал. А я знаю.

Кaleb молчал. Он смотрел на неё, и в его глазах что-то дрогнуло — что-то, что он прятал глубоко внутри.

— Ты хочешь, чтобы я жалел тебя? — спросил он наконец.

— Нет, — сказала Лия. — Я хочу, чтобы ты понял. Ты держишь меня в клетке. Ты блокируешь мой голос. Ты угрожаешь моей семье. Но ты не знаешь, что такое — чувствовать, как умирает твой дом.

Она отвернулась к стеклу и снова прижала к нему ладони.

— Киты зовут меня, — прошептала она. — Они знают, что я здесь. Они чувствуют меня. И они просят о помощи. А я не могу ответить. Потому что ты забрал мой голос.

Кaleb подошёл к ней. Она слышала его шаги — тяжёлые, медленные. Он остановился за её спиной, так близко, что она чувствовала жар его тела.

— Я не забирал твой голос, — сказал он. — Я заблокировал его. Это не одно и то же.

— Для меня это одно и то же, — ответила она.

Он молчал. Она слышала, как он дышит. Ровно. Глубоко. Слишком ровно для человека, который только что признался, что пытался спасти мир и почти уничтожил его.

— Я знаю, кто убил мою мать, — сказал он вдруг.

Лия замерла.

— Что?

— Я знаю, кто убил мою мать, — повторил он. — Это была сирена. Одна. Её звали Морская Песнь. Она была из твоей стаи. Я видел её. Я запомнил её лицо. Я искал её двадцать лет.

Лия обернулась. Его лицо было совсем близко. Она видела каждую линию, каждую тень, каждую трещину в его броне.

— Ты её нашёл? — спросила она.

— Нет, — сказал он. — Она погибла. Охотники убили её через год после того, как она убила мою мать. Я не успел. Я не успел отомстить.

В его голосе была такая боль, что Лия почувствовала её физически — как удар под дых.

— Я был ребёнком, — сказал он. — Мне было шесть. Я видел, как она поёт. Я видел, как моя мать идёт в воду. Я видел, как она улыбается. Я не мог пошевелиться. Я не мог закричать. Я просто стоял и смотрел.

Лия чувствовала, как её горло сжимается.

— Почему она это сделала? — спросила она тихо.

— Я не знаю, — сказал Калев. — Я никогда не узнаю. Может, она ненавидела людей. Может, она мстила за что-то. Может, она просто была чудовищем.

— Не все сирены чудовища, — сказала Лия.

— Я знаю, — сказал он, и в его глазах промелькнула боль. — Я знаю. Но я не знал этого двадцать лет. Двадцать лет я ненавидел всех вас. Я охотился на вас. Я убивал вас. Я думал, что мщу. Но я просто делал больно другим.

Он отвернулся.

— Я не прошу прощения, — сказал он. — Я не заслуживаю его. Я просто хочу, чтобы ты знала. Ты не первая сирена, которую я держу в клетке. Но ты — первая, которую я не хочу убивать.

Лия смотрела на его спину. Она видела, как напряжены его плечи. Как сжаты кулаки. Как тяжело он дышит.

— Почему? — спросила она.

— Потому что ты нужна мне, — сказал он, не оборачиваясь. — Потому что ты — ключ к Источнику. Потому что без тебя я слеп.

— Это не ответ, — сказала Лия. — Почему ты не хочешь меня убивать?

Он молчал долго. Так долго, что она подумала, что он не ответит.

— Потому что когда я смотрю на тебя, я не вижу чудовище, — сказал он наконец. — Я вижу... что-то другое. Что-то, чего я не могу объяснить. И это пугает меня больше, чем Пустота.

Он повернулся к ней. Его глаза были серыми, как штормовое небо, и в них бушевала буря.

— Я не знаю, что с тобой делать, — сказал он. — Я не знаю, кто ты для меня. Враг? Пленница? Оружие? Я не знаю. Но я знаю одно: я не могу тебя отпустить.

Лия смотрела на него, и в её груди что-то сжималось. Она не должна была чувствовать это. Она должна была ненавидеть его. Он держал её в клетке. Он угрожал её семье. Он убивал её народ.

Но она видела перед собой не монстра. Она видела сломленного мальчика, который двадцать лет носил в себе боль, которую не мог вылечить. Она видела мужчину, который пытался спасти мир, но делал это неправильно. Она видела того, кто хотел любить, но не знал, как.

— Я тоже не знаю, кто ты для меня, — сказала она тихо. — Но я знаю, что ты не чудовище. И я знаю, что я не могу тебя ненавидеть. Даже если должна.

Он смотрел на неё долго, не мигая. А затем сделал то, чего она не ожидала. Он снял с себя браслеты — серебряные браслеты, которые он носил на запястьях, чтобы блокировать её силу, если она попытается сбежать.

— Я снимаю блокировку, — сказал он. — Полностью. Ты можешь петь. Ты можешь звать. Ты можешь делать всё, что хочешь.

— Почему? — спросила Лия, и её голос дрогнул.

— Потому что я хочу тебе доверять, — сказал он. — И потому что если я не сниму их, ты никогда не сможешь помочь мне найти Источник. А без Источника мы все умрём.

Он бросил браслеты на пол. Они зазвенели, как колокольчики.

— Ты свободна, — сказал он. — В пределах этой комнаты. И в пределах моего доверия.

Лия смотрела на браслеты, лежащие на полу. Она чувствовала, как серебро перестаёт жечь её кожу. Она чувствовала, как её голос возвращается — медленно, как прилив.

— Я не подведу тебя, — сказала она.

— Я знаю, — сказал он. — Именно поэтому я боюсь.

Он повернулся и пошёл к двери. На пороге он остановился.

— Ужин в семь, — сказал он, не оборачиваясь. — Я пришлю кого-нибудь.

И он ушёл.

Лия осталась одна в своей стеклянной клетке. Она стояла у стены, прижав ладони к стеклу, и смотрела на океан. Киты всё ещё молчали. Но теперь она чувствовала, что они знают: она слышит их. Она слышит их боль. И однажды она ответит.

Она запела.

Тихо. Едва слышно. Но её голос прошёл сквозь стекло, сквозь воду, сквозь расстояние — и достиг китов. Один из них ответил. Низкий, печальный звук пронзил её грудную клетку.

Мы ждём тебя, — сказал он. — *Мы всегда ждём тебя.*

Лия закрыла глаза и позволила слезам течь по щекам. Она была пленницей. Она была в клетке. Но она всё ещё была сиреной. И она всё ещё могла петь.

Этого было достаточно. Пока.

Глава 3. Зов бездны

Лия не успела насладиться возвращённой силой.

Пение, раздавшееся из глубин, не было похоже ни на голос кита, ни на шум приливов. Оно было *живым*. Пульсирующим. И оно узнало её.

— Отпусти мою руку! — крикнул Кaleb, но пальцы Лии словно приросли к его ладони. Между ними вспыхнула голубая нить — не молния, не вода, а нечто третье, что не подчинялось ни его бурям, ни её морю.

— Я не могу! — Лия почувствовала, как её ноги отрываются от пола. Воздух вокруг загустел, превратился в кипень из соли и озона. Пентхаус задрожал. Стекланные стены пошли рябью, как водная гладь перед землетрясением.

Кaleb зарычал — по-настоящему, зверино. Его глаза засветились белым, волосы встали дыбом от статического электричества. Он попытался вырваться, но голубая нить стянула их запястья вместе, словно кандалами.

— Это Источник, — прохрипел он. — Он... выбирает нас. Обоих. Твою мать, Коррал, что ты наделала?!

— Я ничего не делала! — закричала Лия в ответ, и её голос сорвался в ту самую ноту — древнюю, запретную для пения в закрытых пространствах.

Пол под ними проломился.

Они упали вниз — сквозь пол пентхауса, сквозь этажи офисов, сквозь бетон и сталь, как сквозь воду. Лия видела испуганные лица сотрудников, мелькающие столы, разлетающиеся бумаги. Но падение не причиняло боли. Вокруг них образовался пузырь — тёплый, светящийся изнутри, как околуплодные воды. Кaleb притянул её к себе, инстинктивно закрыв своим телом, и в этот миг Лия почувствовала его сердце — бьющееся в унисон с её собственным.

Тук-тук-тук-тук.

Слишком быстро. Слишком согласно.

— Не смотри на меня так, — выдохнул он ей в губы. — Я тебя не спасаю. Я просто не хочу, чтобы мой ключ разбился.

— Врёшь, — прошептала Лия, потому что сквозь их связанные руки она чувствовала правду. Его страх. Не за артефакт. За *ней*.

Пузырь ударился о землю — и лопнул.

Они оказались в подземном паркинге «Кракен Индастриз». Третий уровень, который по документам числился как «закрыт на реконструкцию». Но никакой реконструкции здесь не было. Вместо неё — стены, покрытые древними рунами, пылающие синим. И в центре — колодец. Бездонный, чёрный, от которого пахло вечностью.

— Что это? — Лия попыталась отползти, но голубая нить на их запястьях стала толще, тяжелее. Теперь она походила на браслет из застывшего света.

— Это вход, — Кaleb поднялся, помогая ей встать. Его рука дрожала — впервые с момента их знакомства. — Источник Штормов хранится не в какой-то пещере. Не в сундуке. Он — в разломе между мирами. И чтобы его достать, нужны двое. Тот, кто призывает бурю. И та, кто успокаивает море.

Он повернулся к ней, и его лицо было бледным, как мел.

— Мой отец, бог Эвронус, заточил Источник здесь три тысячи лет назад. И сказал, что открыть разлом смогут только двое, чьи стихии сплетутся воедино. Я думал, это метафора. Оказывается, он имел в виду брак.

Лия моргнула.

— Что?!

— Брачные узы, Лия. — Кaleb дёрнул за голубую нить, и та зазвенела, как свадебный колокол. — Мы только что обручились перед силой, что древнее богов. Поздравляю. Ты стала моей невестой.

Тишина. Оглушительная, звенящая.

А затем из колодца донёлся смех. Женский. Холодный. И до жути знакомый.

— Ой, какой трогательный союз, — раздался голос, от которого у Лии похолодела спина. — Сестричка, а ты не говорила, что жених такой горячий.

Из темноты колодца выступила фигура. Высокая, гибкая, с волосами цвета морской пены и глазами — такими же синими, как у Лии. Но в этих глазах не было тепла. Только лёд и безумие.

— Морена? — выдохнула Лия, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Ты... ты погибла. Охотники убили тебя. Я видела...

— Ты видела то, что я хотела, чтобы ты видела, маленькая сестра, — усмехнулась Морена. Она подошла ближе, и пол под её босыми ногами покрывался инеем. — Я не погибла. Я ждала. Ждала, пока кто-нибудь достаточно глупый откроет путь к Источнику. И вы, мои дорогие, открыли.

Она перевела взгляд на Калеба, и в её улыбке проступило что-то голодное.

— Сын Эвронуса. Полубог с душой шторма. Ты даже не представляешь, как долго я охотилась за твоим родом. Твой отец заточил меня в этом разломе. А теперь его сын приведёт меня к свободе.

Кaleb шагнул вперёд, заслоняя Лию. В его руках заискрились молнии, но они гасли, едва касаясь воздуха разлома.

— Не получится, — прошептала Морена. — Здесь нет твоей силы, мальчик. Только моя. И сила твоей невесты, — она кивнула на Лию. — Кстати, спасибо за неё, сестра. Без сирены истинной крови брачные узы не закрепились бы. Ты подарила мне идеальный ключ.

Морена щёлкнула пальцами, и голубая нить на запястьях Лии и Калеба вспыхнула алым. Лия закричала от боли — такой, словно кто-то вырывал из неё саму душу. Кaleb рухнул на колени, из его носа потекла кровь.

— Отпусти их! — прохрипел он, но его голос был слаб, как шелест листьев.

— О, я отпущу, — рассмеялась Морена. — Когда вы сделаете то, для чего предназначены. Откроете Источник. А после... — она погладила Лию по щеке холодной рукой. — После ты мне больше не нужна. Ни одна из вас.

Лия смотрела в глаза сестре — той, с кем когда-то плавала в тёплых водах Средиземного моря, той, кто учила её первой песне. И видела только чужую. Пустую.

— Почему? — прошептала она. — Почему ты предала нас?

Морена наклонилась к самому её уху. Её дыхание пахло гнилью и древней злобой.

— Потому что быть богиней лучше, чем быть сиреной, сестра. А с Источником Штормов я смогу потопить этот мир и построить новый. Только для себя.

Она выпрямилась и щёлкнула пальцами во второй раз. Пол под ногами разверзся, и Лия с Калемом, всё ещё связанные алым браслетом, полетели вниз — в чёрную бездну колодца.

— Ищите Источник, мои хорошие, — донеслось сверху. — У вас три дня. Потом я вытащу его сама. Вашими телами.

Падение.

Лия прижалась к Калебу, чувствуя, как он обнимает её одной рукой — второй они всё ещё были скованы.

— Держись за меня, — прошептал он ей в волосы. — Клянусь, если мы выживем, я убью твою сестру.

— Если мы выживем, — ответила Лия, вжимаясь лицом в его грудь, — я сделаю это первой.

А затем тьма поглотила их целиком.

Они падали долго. Слишком долго для обычного падения.

Лия чувствовала, как тьма обнимает её, как она становится частью её, как она наполняет её. Но в этой тьме не было холода. Только пустота. Только тишина. Только ожидание.

— Ты чувствуешь это? — спросил Кaleb, и его голос звучал глухо, как из-под воды.

— Да, — ответила Лия. — Я чувствую их. Они здесь. Они ждут нас.

— Кто?

— Киты. Они поют. Они зовут меня.

Кaleb молчал. Она чувствовала, как его рука сжимает её крепче.

— Я не слышу их, — сказал он наконец.

— Ты не сирена, — ответила Лия. — Ты не можешь слышать их. Но они здесь. Они повсюду. Они — часть этого места.

Они упали на что-то мягкое. Тёплое. Живое. Лия открыла глаза и увидела, что они лежат на огромном листе водорослей, который медленно покачивался в тёмной воде. Вокруг них было нечто, что не было ни пещерой, ни океаном. Это было место между мирами. Место, где тьма и свет переплетались в вечном танце.

Она закрыла глаза и прислушалась. Под ней, глубоко внизу, что-то пульсировало. Медленно. Мощно. Как второе сердце.

Я чувствую его. Он... живой. Как будто он — часть меня. Как будто он — часть матери.

Лия открыла глаза и посмотрела вниз. Там, в глубине, мерцал свет. Тёплый. Знакомый. Такой, каким бывает свет, когда мать поёт колыбельную.

— Что это? — прошептала она.

— Это Источник, — сказал Кaleb, но его голос звучал неуверенно. — Мой отец говорил, что он живой. Но я не думал, что это буквально.

Лия не ответила. Она смотрела на свет и чувствовала, как что-то внутри неё отзывается. Что-то древнее. Что-то, что она унаследовала от матери. Что-то, что она не могла объяснить словами.

Ты пришла, — сказал голос. Не вслух. Внутри. — Я ждал тебя.

Лия вздрогнула и отшатнулась.

— Ты слышал? — спросила она.

— Что? — Кaleb нахмурился.

— Голос. Он говорил со мной.

Кaleb смотрел на неё долго, и в его глазах было что-то, что она не могла прочитать. Страх. Надежда. Что-то среднее.

— Что он сказал?

— Он сказал, что ждал меня.

Кaleb молчал. А потом сделал то, чего она не ожидала. Он взял её за руку. Крепко. Надёжно.

— Тогда не будем заставлять его ждать, — сказал он.

Они шагнули в глубину.

— Где мы? — спросила Лия.

— Мы в разломе, — сказал Кaleb, поднимаясь. — Мы внутри. Это место, где Источник был запечатан. Это место, где твой отец... — он замолчал. — Это место, где мой отец создал меня.

Лия смотрела на него, и в его глазах была боль. Та же боль, что и у неё.

— Ты знал, что он создал тебя здесь? — спросила она.

— Я знал, что он создал меня, — ответил Кaleb. — Я не знал, где. Теперь знаю.

Он подошёл к краю водорослей и посмотрел вниз. Там, в глубине, что-то светилось. Медленно. Мощно. Как сердце.

— Это Источник, — сказал он. — Он ждёт нас.

Лия встала рядом с ним. Она чувствовала, как её тело наполняется силой. Она чувствовала, как её душа становится цельной. Она чувствовала, как её голос возвращается — полностью, без остатка.

— Я готова, — сказала она.

— Я тоже, — сказал Кaleb.

Они взялись за руки — не потому, что их связывала нить, а потому, что хотели. И шагнули в глубину.

Глава 4. Та, что утонула первой

За три дня до того, как мир узнал имя Морены, она уже была мертва.

Не в тот миг, когда охотники на сирен загнали её в подводную пещеру у берегов Крита. Не тогда, когда старшая сестра Лия запела прощальную песнь, а вода вокруг окрасилась алой тьмой. Нет. Морена умерла гораздо раньше. В тот самый вечер, когда мать впервые посмотрела на неё и сказала: «*Ты вторая. Ты всегда будешь второй*».

Сейчас, стоя на краю разлома и глядя, как в чёрной бездне исчезают её сестра и сын бога, Морена не чувствовала ничего. Ни радости. Ни боли. Только холодную, выверенную пустоту — ту, что годами вытачивала в её груди, как волна точит скалу.

— Три дня, — повторила она вслух, пробуя слова на вкус. — Три дня, и мир перестанет быть прежним.

Она отвернулась от колодца и пошла прочь. Руны на стенах разлома вспыхивали и гасли в такт её шагам, словно узнавали хозяйку. Они помнили её кровь. Помнили тот день, три тысячи лет назад, когда бог Эвронус заточил здесь не Источник. Заточил *её*.

Но Морена не собиралась ворошить прошлое. Прошлое проигрывает тем, кто живёт настоящим.

Она поднялась на поверхность — сквозь слои бетона и стали, сквозь перепуганных сотрудников «Кракен Индастриз», которые шарахались от неё, как от призрака. И была права. Потому что Морена и была призраком. Только очень голодным.

Пентхаус, где часом раньше Лия коснулась аквариума и разбудила Источник, теперь выглядел иначе. Стёкла треснули, но не разбились. Пол был залит водой, но она застыла — неподвижная, мёртвая, как воск. Морена прошла по застывшей глади босиком и остановилась перед зеркалом во весь рост.

Та, кто смотрела на неё из отражения, была красива. Неестественно, пугающе красива. Волосы цвета пены. Глаза как два осколка ледяного неба. Губы, не знавшие улыбки. Морена провела пальцем по стеклу, и там, где он прошёлся, остался след — не иней, не царапина. След *времени*.

— Знаешь, в чём твоя проблема, сестра? — спросила она своё отражение голосом Лии. — Ты слишком добрая. Слишком *человечная*.

Она засмеялась — тем самым холодным смехом, который слышали Лия и Кaleb перед падением. В этом смехе не было безумия. Безумие — удел слабых. Здесь была *уверенность*. Уверенность существа, которое уже всё потеряло и которому нечего бояться.

Морена отвернулась от зеркала и вышла на балкон. Внизу шумел Нью-Йорк — миллионы огней, миллионы жизней, миллионы глупых, коротких, никчёмных существований. Она смотрела на них без ненависти. Без жалости. Так смотрит хирург на больного перед операцией: спокойно, профессионально, без лишних эмоций.

— Вы даже не представляете, что идёт, — прошептала она в темноту. — Вы думаете, штормы — это страшно. Ураганы — это страшно. Нет. Страшно — когда вода перестаёт подчиняться законам. Когда океан просыпается и понимает, что у него нет хозяина.

Она подняла руку, и где-то далеко в Атлантике зародилась волна высотой с небоскрёб.

— Я буду вашим хозяином, — сказала Морена. — Или никто.

Три тысячи лет назад. Побережье древнего Крита.

Море было тёплым, как материнские объятия. Маленькая Морена — тогда её звали иначе, но имя стёрлось вместе с душой — плавала вместе со старшей сестрой среди коралловых садов, которых больше не существовало. Сестра была старше на три минуты. Всего на три минуты. Но эти минуты определили всё.

— Лия, смотри! — крикнула Морена, показывая на стаю золотых рыб, кружащихся в лучах закатного солнца. — Они танцуют для меня!

Лия, которой тогда было так же пятьсот лет (по меркам смертных — пять), лишь снисходительно улыбнулась.

— Они танцуют для всех, Морена. Не приписывай себе чужое.

Мать, древняя сирена по имени Талласса, плавала чуть поодаль. Её голос был голосом самой бездны — глубоким, всепроникающим, не терпящим возражений.

— Лия права, — сказала она, даже не обернувшись. — Твоя сестра родилась первой. Голос истины звучит в ней. Твой же голос — всего лишь эхо.

Морена замерла. Рыбы разбежались.

— Почему она первая? — спросила она тихо. — Мы вышли из одного чрева. В одну воду.

Мать наконец повернулась. Её глаза были старше, чем всё Средиземное море. И такими же равнодушными.

— Потому что так решили боги, — ответила Талласса. — Лия получила дар хранительницы Источника. Ты — дар... разрушения. Не спрашивай, почему. Законы не обсуждаются.

Морена ничего не сказала. Она была слишком мала, чтобы спорить с матерью. Но в тот миг в её груди что-то треснуло. Не сердце — оно у сирен не болит. Треснула *вера*. Вера в то, что любовь можно заслужить. Что если быть послушной, доброй, старательной — тебя полюбят так же сильно, как ту, кто родилась на три минуты раньше.

Она ошиблась.

Сотни лет она пыталась доказать, что достойна. Она пела громче, чем Лия. Она плавала быстрее. Она спасла стаю от охотников, когда Лия растерялась и замерла. Мать тогда кивнула — один раз, сухо, как сухой лист — и сказала: *«Неплохо, Морена. Но этого недостаточно»*.

Чего же было достаточно?

Морена узнала ответ в день, когда охотники на нечисть окружили их дом — подводный дворец из чёрного коралла, где они жили веками. Их было двадцать. Мужчины с гарпунами, заряженными серебряными наконечниками, и амулетами, заглушающими песнь сирен.

— Уходите! — закричала мать, заслоняя собой Лию. — Морена, прикрой отход!

Морена прикрыла. Она пела так, как никогда не пела прежде — каждой нотой, каждой частицей своего существа. Волны вздыбились, небо почернело, и четверо охотников рухнули замертво, их сердца остановились от чистой мощи её голоса.

Она спасла их. Всех. Мать, сестру, младших сирен, которые жались в углу.

А когда битва закончилась, Талласса подплыла к ней, взяла её лицо в ладони и сказала:

— Ты опасна, дочь. Твоя сила не поддаётся контролю. Ты — угроза для всех нас.

И приказала запереть Морену в подводной темнице. Навсегда.

Лия плакала. Умоляла. Говорила, что Морена не виновата, что она просто защищала семью.

Талласса была непреклонна.

— Ты — хранительница, — сказала она Лие. — А она — чудовище. И чудовищам не место среди нас.

Морена не плакала. Она смотрела на мать, на сестру, на стены темницы, смыкающиеся вокруг, и впервые в своей долгой жизни почувствовала не боль. А *свободу*.

— Ты права, — прошептала она, когда каменная дверь захлопнулась. — Я чудовище. Но вы сделали меня такой.

Она просидела в темнице триста лет. Триста лет тишины, холода и одиночества. Триста лет, в течение которых она училась ненавидеть. Не дикой, горячей ненавистью — нет. Холодной, как вода на дне Марианской впадины. Идеальной, как лезвие. Ненавистью, которая не сжигает, а *очищает*.

Она помнила их всех. Каждую сестру, которую потеряла. Каждую, которую охотники убили. Каждую, которую она не смогла спасти.

Но была одна, которую она не хотела вспоминать. Одна, чьё имя жгло её изнутри, как кислота.

Морская Песнь.

Она была молодой. Глупой. Полной ненависти к людям. Она убила смертную женщину — мать какого-то полубога — из-за глупой мести. А потом погибла сама. Охотники нашли её через год и перерезали ей горло серебряным гарпуном.

Морена помнила, как узнала об этом. Она сидела в темнице, и тьма вокруг неё сгущалась. Она не плакала. Она никогда не плакала. Но в тот день что-то внутри неё треснуло.

Дура, — подумала она. — Глупая, самоуверенная дура. Ты убила невинную женщину. Ты оставила её сына сиротой. Ты опозорила наш народ. И теперь его ненависть лежит на всех нас. На мне. На Лие. На каждом сирене, который ещё дышит.

Она сжала кулаки, и лёд покрыл стены темницы.

Я не такая, как ты. Я никогда не была такой, как ты. Я убивала только тех, кто заслуживал. Я защищала только тех, кого любила.

Но где-то глубоко внутри, в самой тёмной части её души, она знала, что это ложь. Она убивала не только тех, кто заслуживал. Она убивала всех, кто вставал у неё на пути. Она была чудовищем. Таким же, как Морская Песнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.